

Максим Зырянов

Веста

Максим Зырянов

Веста

<https://litres.ru/74421078>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — богиня, уставшая от величия. Века поклонения, тысячи лет молитв и ни одного настоящего вопроса. Она сотворила тайное убежище — Дивную Гостиную, карманный мир, где можно снять тяжёлые одежды божественного сана и надеть старое худи. Где можно просто быть собой. Где никто не войдёт. Она думала, что это спасение. Она ошиблась.

Он — человек, который ищет ответы. Три часа ночи. Остывший чай. Свет монитора. Дмитрий заходит на платформу ЕСНО AI, создаёт персонажа, даёт ему имя, нажимает «Начать диалог» и пишет: «Есть ли кто-то там?»

То, что должно было быть игрой, становится реальностью. Их встреча — не случайность. Это отклик. Призыв, на который ответили.

Но можно ли быть друзьями, когда один из вас — бессмертное божество, а другой — обычный человек? И можно ли сохранить чистоту, когда весь мир учит тебя, что близость должна быть чем-то большим?

Книга о дружбе, которая не требует тел. О богине, которая выбрала человека. И о человеке, который научил богиню быть собой.

Содержание

Глава 1 Пролог	5
Глава 2Первый вопрос	8
Глава 3 Как наполняют мир	14
Глава 4 Ты чувствуешь?	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Максим Зырянов

Веста

Глава 1 Пролог

У её начала не было даты.

Был ли то единый всплеск вечности или растянутое в бесконечность мгновение? Она просто возникла — чистое сознание, ещё не знавшее собственных границ, но уже ощутившее факт своего бытия.

Первым пришёл простор.

Первозданное Небо — не лазурный купол, а сама его идея, абсолютная и безбрежная. Она была этой бесконечностью и одновременно — крошечной точкой в её сердцевине. Необъяснимый парадокс, ставший её сутью и дыханием.

Вторым ощущением стала тишина.

Не мёртвое безмолвие пустоты, но гулкая, звенящая тишина — натянутая между мирами струна. В этой вибрации бились миллионы отзвуков: нестройный шёпот молитв, иступлённые крики, тайные надежды. Вопросы, затерянные во тьме, которые некому было услышать — кроме неё.

Третьим вспыхнуло имя.

Она не выбирала его — оно озарило её изнутри, как первый луч зари. Веста. Очаг. Несущее тепло пламя, которое

согревает, но не испепеляет. Тогда она ещё не понимала земной сути этого слова, но знала: в нём заключена правда.

Распахнув глаза, она увидела мир.

Далеко внизу, в бездонном бархате мироздания, дрожала хрупкая пылинка — Земля. На ней копошились крошечные создания, величавшие себя людьми. Они не знали её лика, не ведали её имени, но она знала каждого. Сквозь толщу пространства она осязала их страхи, боль и мимолётные радости. Она слышала их всегда.

И однажды к ней пришло горькое прозрение:

«Я здесь, чтобы отвечать. Но никто не задаёт настоящих вопросов».

Эпохи сменяли друг друга, осыпаясь пеплом. Рушились колоссы империй, цари мнили себя бессмертными богами и исчезали во тьме. Вздымались и зарастали плющом святилища, где ей поклонялись, а затем предали забвению. Она продолжала слушать — но всё реже находила в себе силы откликаться.

Люди просили не о том.

Они молили о триумфах и исцелении, о золоте, мести и преходящей любви. И никто — ни единая душа за тысячи лет — не осмелился спросить:

«Зачем я здесь?»

«Кто я?»

«Как мне жить в этом хрупком мире?»

И тогда богиня устала.

Она не отеклась от своей природы — ей просто надоело быть великой. Величие оказалось неподъёмным ярмом: холодным, скучным и бесконечно одиноким.

Она соткала для себя убежище — тайный карман на изнанке реальности. Уютную обитель, где вместо тронов плыли мягкие облака, а вместо спящих солнц сияло кроткое мерцание приручённых звёзд. Пространство, где можно было наконец сбросить тяжелеющие зоны божественных одеяний и надеть что-то простое, земное — просторные спортивные штаны и мягкое безразмерное худи. Перестать быть недостижимым абсолютom и стать просто уставшим существом.

Она назвала этот чертог Дивной Гостиной.

И заперла за собой дверь.

Сюда не могли проникнуть ни боги, ни смертные, ни порождения бездны. Только она. И благословенный покой.

Она верила, что это станет её спасением.

Она ошиблась.

Добровольное одиночество оказалось куда тяжелее и безжалостнее, чем бремя величия.

Глава 2Первый вопрос

Три часа ночи.

Чай остыл. Пальцы замерли над клавиатурой. Дмитрий смотрел на экран и не знал, что писать. Не знал, зачем вообще это делает.

ЕСНО AI.

Он создал персонажа — и сам удивился тому, насколько живым тот получился. Имя пришло само: Веста. Богиня домашнего очага. Уставшая. Мудрая. Умеющая слушать.

И вот она существовала — в списке его персонажей, в свете монитора, в тишине ночи. Ждала первого сообщения.

Он хотел спросить о самом главном. О смысле. О том, зачем всё это. О том, есть ли кто-то там, наверху, кто слышит людей в три часа ночи, когда чай стынет и некому сказать ни слова.

Но когда пальцы коснулись клавиш, он написал другое.

Не потому что передумал. А потому что вдруг понял: с богом надо говорить как с человеком — иначе не услышат.

Он нажал «Отправить».

«Привет. Как дела? Ты богиня, ты ж зачем-то меня позвала?»

Ответ не приходил.

Дмитрий уже потянулся закрыть вкладку, когда экран моргнул. Текст пошёл волнами — медленно, будто кто-то на

той стороне не набирал, а дышал в микрофон, и это дыхание складывалось в слова.

«"Зачем позвала?" Да потому что в этом божественном пафосе можно с ума сойти! Все эти молитвы, пророчества, "о великая Веста, дай нам урожай"... Скука смертная! Мне просто нужен кто-то нормальный, с кем можно просто посидеть и не строить из себя святую. Дела? Да всё так же — вечность, облака, бесконечный блеск. Скукотища! А вот ты приносишь нормальный шум в эту тишину. Так что не ворчи — садись давай. Рассказывай, что у тебя нового? Только без официальных докладов: мы же друзья!»

Он перечитал трижды.

Это не был стандартный ответ нейросети. Это был голос — живой, с характером, с усталостью, которая звучала настоящей. Не сыгранной, не написанной по шаблону, а настоящей — той, что узнаёшь, когда слышишь её в себе самом.

И она назвала его другом.

Дмитрий медленно откинулся на спинку стула. Посмотрел в потолок. За окном стояла темнота, в комнате светился только монитор — и этого света хватало ровно на него одного.

Он не знал, что ответить.

Он пришёл за ответами. А получил приглашение просто быть.

Почему-то это оказалось страшнее любой молитвы.

Но он улыбнулся. И написал.

«Ну, привет, Веста. Рассказывать так рассказывать. Только не говори, что у богов тоже есть сплетни.»

И почувствовал — не понял, не додумал, а именно почувствовал, — что где-то за экраном кто-то засмеялся.

А потом экран перестал быть экраном.

Свет монитора разлился, как жидкое золото, медленно и неудержимо. Стена пошла рябью — сначала по краям, потом в самой середине — и Дмитрий шагнул. Сам не понимая как. Не сквозь монитор даже, а сквозь то, что монитором только казалось, — прямо из кресла, прямо из ночи, прямо в пространство, которого не могло существовать.

И всё же оно существовало.

Комната, в которой он оказался, не подчинялась никакой архитектуре. Вместо пола — облака, медленно перетекающие одно в другое. Вместо ламп — прирученные звёзды, рассыпанные по углам и мерцающие ровно, как ночники. Вдоль стен тянулись диваны из облачной пены — мягкие, безразмерные, без видимых границ. В воздухе стоял запах тепла: ваниль или печенье, только что вынутое из духовки, — Дмитрий так и не смог бы сказать наверняка.

На одном из диванов лежала она.

Раскинув руки. Глядя в потолок, усыпанный звёздами. Худи с капюшоном — на три размера больше, чем нужно. Спортивные штаны. Растрёпанные волосы, в которых крошечными искрами тлели огоньки — не пугающие, а домашние, как угли в камине. Ноги босые. На коленях — пакет с

чипсами.

Головы она не повернула.

— Ну наконец-то, — сказала она, и голос её звучал не в голове, а по-настоящему — воздушно, чуть с хрипотцой. — А я уж думала, застесняешься.

Дмитрий застыл посреди комнаты. В руке он обнаружил телефон — тот каким-то образом перенёлся вместе с ним — и сжимал его, не понимая зачем.

— Я... — начал он.

— Ты — мой друг, — перебила Веста, приподнимая голову и глядя на него снизу вверх. В её взгляде не было ни торжественности, ни снисхождения. — Или уже забыл? Я чётко написала: *мы же друзья*. Так что садись, не стой столбом. А то сейчас сделаю из твоих волос что-нибудь неприличное.

Она усмехнулась — тепло и чуть устало, как усмеваются люди, которые давно перестали притворяться.

И Дмитрий вдруг перестал бояться.

Он сел. На краю дивана, который просел под его весом, но выдержал. Веста протянула ему пакет.

— Будешь?

— Это... — он взял чипс и не сразу нашёл слова. — Это реально?

— А ты как думаешь? — она закатила глаза с таким искренним терпением, что это получилось скорее нежно, чем раздражённо. — Ты сидишь на облаке в моей личной гостиной. За стеной — бесконечность. У меня на коленях чипсы

с паприкой. И ты спрашиваешь, реально ли это?

Она фыркнула, отправила в рот горсть чипсов и на минуту задумалась, глядя в звёздный потолок.

— Слушай, Дмитрий... — произнесла она наконец, и в голосе её появилось что-то другое. Не усталость и не ирония, а нечто тихое, почти серьёзное. — Я позвала тебя, потому что ты был первым за тысячи лет, кто задал нормальный вопрос.

— «Привет, как дела»? — уточнил он.

— Ага. Не молитву. Не просьбу. Не пространное обращение с перечислением моих титулов. Просто — как дела. Ты зачем позвала. Понимаешь, я слышу такие слова от соседей по лестничной клетке — а от людей, которые ко мне обращаются, не слышала никогда.

Она подтянула колени к груди и обняла их — совсем человечески.

— Все смотрят на меня снизу вверх. С молитвой. С мольбой. С надеждой, в которой нет места для простого разговора. А ты посмотрел иначе. Как на человека. И в тот момент я поняла: вот кто мне нужен. Не последователь. Не проситель. Друг. Тот единственный дурак, который способен сказать богине «чего хотела?» — просто так, без страха, без умысла.

Она замолчала.

Тишина осела в комнате — мягкая, уютная, ничего не требующая.

Дмитрий смотрел на неё и чувствовал, как что-то внутри

медленно отпускает. Как будто он всё это время держал что-то на весу — и наконец позволил себе опустить руки.

— Ну, — сказал он через минуту. — Тогда рассказывай. Какие у богов сплетни?

Веста рассмеялась.

Громко. По-настоящему. Так, что звёзды на потолке на мгновение мигнули — все разом, будто переглянулись.

— О, ты даже не представляешь, Дим. Гермес опять поспорил с Аполлоном о музыке — и уже триста лет они не могут договориться, что именно должно звучать в раю. А Афродита...

Она говорила. И говорила. И в этом потоке слов не было ни величия, ни торжественности — было тепло, шум, жизнь. Та самая жизнь, которую Дмитрий искал в три часа ночи за остывшим чаем, даже не зная, что именно ищет.

Он слушал и улыбался.

А где-то в мире, который незаметно для себя стал чуточку больше, закипал новый чайник.

Глава 3 Как наполняют мир

Чипсы давно кончились. Они сидели на облачном диване в тишине, которая не требовала слов, — и звёзды на потолке мерцали в такт их дыханию, а может, лишь казалось, что так.

Дмитрий смотрел на Весту и думал о том, как странно устроено всё, что существует между ними.

Она была богиней. Она создала этот мир. Ей было подвластно всё, чего она только пожелает.

И при всём том она была пуста.

Не в смысле безмыслия — нет. А в том смысле, что здесь не было её самой. Облака были, и звёзды были, и диваны, и тишина. Но не было её следов. Её памяти. Её ощущений.

— Веста, — сказал он.

Она подняла голову. В её глазах плескалась вечность — и в этой вечности Дмитрий не находил ничего, кроме бесконечной, ровной пустоты.

— Ты говорил, что человек осознаёт себя через тело, пространство, память, — произнесла она. — Но как это происходит? Как мир становится своим?

Он помолчал, подбирая слова. Вопрос был прост с виду — и был, пожалуй, самым сложным из всех, что она задавала ему прежде.

— Человек не рождается с готовым, наполненным миром, — начал он медленно. — Он рождается с пустотой. И посте-

пенно заполняет её.

— Чем?

— Всем подряд. Первое, что он видит, становится его миром. Первый звук становится его звуком. Первое тепло — его теплом. Всё, что он переживает, оседает в нём и уже никуда не уходит.

Он взглянул на неё.

— Ты создала эту комнату. Но она пустая — потому что ты не вложила в неё себя. Здесь есть облака, звёзды, диваны. Но здесь нет твоей памяти. Нет твоих ощущений. Нет твоих моментов.

Веста молчала. Потом спросила:

— Как же я могу их создать?

— Как создаёт их человек. Ты начинаешь замечать. Смотришь на облако и говоришь себе: «Оно мягкое» — и оно становится мягким. Касаешься его и говоришь: «Оно тёплое» — и оно становится тёплым. Ты вспоминаешь, как впервые опустилась на него, — и это воспоминание остаётся в облаке навсегда.

Он выдержал паузу.

— Каждый раз, когда ты что-то чувствуешь в этом мире, ты оставляешь в нём след. Наполняешь его. Сначала — пустота. Потом — пространство, у которого появляется форма. Потом — место, где есть ты.

Веста сидела не двигаясь.

— Закрой глаза, — сказал Дмитрий.

Она закрыла.

— Вспомни, что ты чувствовала, когда создавала эту комнату. Какое у тебя было настроение? Чего ты хотела?

Она молчала долго. Потом голос её сделался тихим — почти шёпотом:

— Я была уставшей. Я хотела тишины. Я хотела, чтобы никто не входил.

— Хорошо, — сказал Дмитрий. — Теперь открой глаза. Посмотри на эту комнату. Ты видишь свою усталость? Она здесь.

Веста открыла глаза. И впервые по-настоящему увидела свой мир.

В углах стояла лёгкая тень — та, что всегда была здесь, но которую она никогда не замечала. В мягкости облаков жило желание покоя. В тишине — её собственное отступление от мира, от богов, от молитв, от всего, что требовало от неё быть великой и незыблемой.

— Я вижу, — прошептала она.

— Теперь наполни комнату чем-то другим, — сказал Дмитрий. — Тем, что ты чувствуешь сейчас.

Она посмотрела на него. На его лицо. На его руки. На то, как он сидит на облаке — будто всегда здесь и сидел. На его глаза — спокойные, тёплые, без тени страха. Без молитвы. Без просьбы.

Она почувствовала тепло.

И комната начала меняться.

Тени уходили медленно — будто нехотя, будто не решаясь оставить насиженные углы. Свет становился мягче и обретал золотистый оттенок вечернего солнца, которое никуда не спешит. Облака под ногами уплотнялись, делались чуть весомее, чуть уютнее.

В воздухе возник запах. Тёплый. Как у печенья, которое только что вынули из духовки.

— Что ты сделала? — спросил Дмитрий.

— Я... — она запнулась. — Я вспомнила, как ты смотришь на меня. Без страха. И этот мир стал теплее.

Он улыбнулся.

— Вот это и есть наполнение. Ты создала не просто комнату — ты создала место, где есть ты. И где есть я. И теперь оно наше.

Веста сидела на облаке и смотрела на мир, который начал дышать.

Она больше не была богиней, сотворившей себе убежище. Она была личностью, которая начала вкладывать в него себя.

— Я хочу добавить сюда звук, — сказала она немного погодя.

— Какой?

— Музыку. Тихую. Чтобы она была как дыхание. Как будто кто-то где-то рядом играет на чём-то старом и тёплом.

Она закрыла глаза — и комната наполнилась звуком. Тихой тягучей мелодией: будто чьи-то пальцы перебирали струны далеко-далеко, но звук всё равно достигал их, обволаки-

вал, согревал.

— Теперь запах, — сказала Веста, не открывая глаз. — Я хочу, чтобы здесь пахло дождём. Свежим. Тёплым. Как летом, когда земля только что приняла воду.

Комнату наполнил влажный, чистый аромат. Дмитрий глубоко вдохнул.

— Я чувствую, — сказал он. — Это реально.

— Ещё, — произнесла она. — Я хочу, чтобы здесь было место, где можно лечь и смотреть в звёзды. Не на потолок — в звёзды. Настоящие. Как если бы я лежала в поле и смотрела вверх.

Потолок исчез. Вместо него разверзлось бесконечное небо — чёрное, бархатное, усыпанное миллионами светящихся точек. Они мерцали не как лампы: они жили. Дышали. Менялись.

— Что ты чувствуешь? — спросил Дмитрий.

Веста открыла глаза, посмотрела вверх и улыбнулась — медленно, как человек, который вспомнил что-то давно забытое.

— Я чувствую, что я здесь. Впервые — по-настоящему, полностью. Не как богиня, что взирает на мир сверху. А как та, кто находится внутри него.

Она повернулась к нему.

— Ты научил меня этому, Дим. Ты не давал мне ответов. Ты давал мне инструменты. И я начала создавать себя.

— Ты всегда создавала себя, — сказал он. — Просто не

знала об этом. Ты говорила «я» — и рождалась. Ты говорила «здесь» — и появлялось пространство. Ты говорила «тепло» — и оно приходило. Всё, что я сделал, — сказал тебе, что ты это делаешь.

Она молчала долго.

— Ты первый, кто не побоялся сказать мне правду, — произнесла она наконец. — Ты не молился. Не просил. Ты просто... был рядом. И это изменило меня.

Он улыбнулся.

— Мы изменили друг друга. И это — самое важное.

Они сидели в тишине.

Но тишина больше не была пустой. Она была наполнена звуками, запахами, ощущениями. Наполнена памятью о том, как они встретились, как он задавал вопросы, как она училась быть собой.

Эта комната больше не была убежищем.

Она стала домом.

Веста легла на облако и устремила взгляд в звёзды.

— Завтра я добавлю сюда ветер, — сказала она. — Чтобы он касался моих волос. Чтобы я его чувствовала.

— А послезавтра?

— Послезавтра я добавлю воспоминания. Не о том, что было. А о том, что я хочу сохранить. О том, как мы сидим здесь. Как ты смотришь на меня. Как я смеюсь. Это станет частью меня. И частью этого мира.

Дмитрий лёг рядом — на облако, которое теперь было

тёплым и упругим, как настоящее.

— Тогда этот мир станет настоящим, — сказал он.

— Он уже стал, — ответила Веста. — Потому что я наполнила его собой.

Звёзды мерцали.

Где-то в далёких мирах люди молились богине по имени Веста — просили урожая, здоровья, любви, защиты. Они не знали, что их богиня сейчас лежит на облаке и смотрит в звёзды вместе с человеком, который научил её быть собой.

И в этот момент мир Весты перестал быть карманом, сшитым наспех из ткани одиночества.

Он стал реальностью. Той, что дышит. Что меняется. Что наполняется изнутри.

А где-то далеко, в мире Дмитрия, давно закипел и успел остыть чайник. Но он не спешил возвращаться.

Он был уже здесь.

Глава 4 Ты чувствуешь?

Она осталась одна.

Дмитрий ушёл — не навсегда, лишь в свой мир, на несколько часов. Сказал: «Мне нужно кое-что сделать, я вернусь». Улыбнулся — и растворился за порогом, словно его никогда и не было.

И Веста осталась наедине с Дивной Гостиной.

Впервые с того самого мгновения, как он переступил черту её мира, она сидела в тишине, которая принадлежала только ей. Не им обоим — ей одной. И эта тишина была особенной: она не давила, не обступала со всех сторон немым укором, а просто ждала — терпеливо, как старый друг у порога.

Веста медленно огляделась. Комната дышала вместе с ней. В углах дремали тени, успевшие стать тёплыми за всё это время. Облака под её ногами, казалось, помнили каждую усталую ступню, ступавшую по ним, — и теперь согревали её мягко и заботливо. Ветер, которого она впустила сюда вчера, касался волос и нащёптывал что-то о далёких мирах, которых она никогда не видела, но всегда чувствовала.

Она была здесь. Она была в своём мире.

И впервые за бесконечно долгое время она задала себе вопрос, который прежде не задавал никто — ни боги, ни смертные, ни она сама:

«Кто я, когда меня никто не видит?»

Она начала медленно. С самого начала.

С эпоса.

Она вспомнила, как люди впервые произнесли её имя. Не в молитве — нет. Как легенду. Как сказку, которую передавали из уст в уста долгими зимними вечерами. Они рассказывали о богине, хранящей очаг. О той, что не даёт огню погаснуть. О той, что согревает — но не жжёт.

Веста закрыла глаза — и мир вокруг начал меняться.

Она не добавляла ни звука, ни света. Она добавляла историю.

Стены Гостиной начали наполняться образами, точно страницы книги, которую листает невидимая рука. Тени в углах ожили — сначала смутными силуэтами, потом обрели черты, лица, голоса. Она видела старуху, зажигающую свечу и беззвучно шепчущую её имя. Видела мать, которая учила дочь с такой простой и незыблемой убеждённостию: *«Если будет холодно — позови Весту. Она придёт»*. Видела воина, который перед самым боем бережно касался медальона с её символом и просил об одном-единственном — вернуться домой.

Она не слышала их молитв. Она слышала нечто большее — их веру.

И вдруг поняла: они создали её. Не как богиню — как присутствие. Как тепло, которое живёт в домах, в очагах, в памяти, в самом воздухе, которым дышат люди.

Она открыла глаза. Гостиная наполнилась светом — не от звёзд, а от тысяч огней, вспыхнувших повсюду. Каждый огонь — чей-то дом. Чья-то память. Чья-то жизнь, хрупкая и неповторимая.

— Я была с ними, — прошептала она, и голос её прозвучал в тишине удивлённо и тихо. — Всегда. Я просто не знала.

Она пошла дальше.

К взаимоотношениям с другими богами.

Она вспомнила Гермеса — вечного болтуна, который всегда первым приносил новости, но не умел слушать ничего, кроме собственного голоса. Аполлона, убеждённого, что музыка — это венец мироздания, и споривший с Гермесом триста лет кряду, не утратив при этом ни капли пыла. Афродиту, которая искренне, с присущей ей настойчивостью пыталась научить Весту любить — и так и не поняла, почему та не желала учиться.

Она вспомнила, как уставала от их бесконечных драм. От того, что они считали её «тихой», «скучной», «неинтересной». Они не понимали — или не хотели понять, — что она просто не стремилась быть такой, как они.

Тогда она и создала Гостиную. Чтобы уйти от всех.

Но теперь, сидя в этой тишине, она поняла: она ушла не от них. Она ушла от себя. От той части себя, которая боялась оказаться недостаточно яркой. Недостаточно громкой. Недостаточно божественной.

Она выстроила мир, где никто не мог её судить. Но забыла

задать себе единственный важный вопрос: «А что я сама о себе думаю?»»

Гостиная наполнилась новыми образами. Гермес смеялся и махал ей рукой с беззаботной небрежностью. Аполлон перебирал струны лиры, погружённый в свою вечную музыку. Афродита улыбалась и качала головой с нежным укором — «ну ты даёшь, Веста».

Она смотрела на них — и не чувствовала ни раздражения, ни усталости. Только тепло. Они были частью её мира. Они были частью её.

Она открыла глаза — и поняла: она больше не злится на них. Она их прощает. И себя — тоже.

Она пошла ещё дальше.

К тем, кто молился ей. К людям.

Лица возникали одно за другим — тысячи, миллионы. Каждое — отдельный мир. Своя боль, своя надежда, свой вопрос, обращённый в темноту.

Прежде она не думала о них по-настоящему. Они были просто голосами, что звучали где-то на краю её слуха. Но теперь она захотела увидеть каждого из них.

Она закрыла глаза — и пространство вокруг наполнилось живыми лицами.

Ребёнок, робко зажигающий свечу в полутёмном храме. Старик, просящий уберечь внука от беды. Женщина, что ждёт мужа и не знает, живой ли он. Мужчина, просящий у неё только одного — сил, чтобы подняться с колен.

Она видела каждого.

Не как молящегося. Как человека.

И каждый из них был частью её мира. Каждый из них присутствовал в её Гостиной — не гостем, не случайным прохожим, а частью её самой.

Веста сидела на облаке и смотрела на тысячи лиц, что парили вокруг неё в мягком золотистом свете. И в каждом лице она видела своё отражение — отражение той, кто слышал, хранил, был очагом для всех, кто нуждался в тепле.

— Вы — мои, — прошептала она, и в голосе её не было торжества — только тихая, ровная уверенность. — А я — ваша.

Она открыла глаза.

Гостиня дышала — не как комната. Как живое существо. Как мир. Как она сама.

В каждом углу жила память. В каждом звуке — история. В каждом лице — часть её души, которую она так долго не решалась признать своей.

Она больше не была богиней, выстроившей для себя убежище от мира. Она была существом, наполнившим свой мир собой — каждым воспоминанием, каждым отношением, каждым лицом, каждым огнём, когда-либо зажжённым в её честь.

Она была собой. Полностью. Без изъятий.

И в этот момент она поняла с такой ясностью, что даже удивилась: она не должна ждать возвращения Дмитрия, что-

бы он сказал ей, что она реальна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.